УДК 13:82.01

ЭТИМОЛОГИЧЕСКАЯ ГЕРМЕНЕВТИКА: ТРАДИЦИИ И ИНТЕРПРЕТАЦИИ

Попов В.Ю.

Рассматривается проблема взаимосвязи герменевтики и этимологии. Указывается, что именно этимологическая герменевтика является методологической основой истории понятий. Обосновывается идея о том, что эта стратегия позволяет адекватно интерпретировать философские тексты прошлого.

Ключевые слова: герменевтика, этимология, ономатет, внутренне слово, история понятий, интерпретация.

В современном философском дискурсе герменевтика занимает важное, если не приоритетное место. Даже не разделяя ее онтологических положений, многие исследователи вынуждены считаться с различными разработанными в герменевтике процедурами. В работах многих известных авторов, классиков философской герменевтики подавляющей остается именно методологическая ориентация (например, у Э. Бетти и Э. Корета). Те, кто даже не разделяет философского мировоззрения Хайдеггера, Гадамера или Рикера, могут, тем не менее, вполне эффективно использовать их результаты в сфере методологии гуманитарного познания. И это вполне оправданно, ведь «текст» является универсальным предметом современных историко-философских исследований.

Среди многих методов толкования текстов и поисков адекватного смысла понятий, которые были разработанными классиками современной философской герменевтики, выделяется этимологическая герменевтика, которая является объектом нашего исследования. Рассмотрение ее традиций и анализ ее возможных интерпретаций является целью нашей статьи.

Потребность в этимологизации глубоко укоренена в человеческой сущности. Даже в наиболее примитивном выяснении происхождения слов нельзя отрицать ориентированности к поиску более глубоких и сокровенных смыслов, определения утечек и связей слова, на «настоящее» понимание языка и захват с помощью нее власти над вещами и миром. Первобытные этимологии (в большей степени довольно примитивные) целиком базируются на особенностях мифо-магического

мышления, ведь в мифе «знать» означает или назвать вещь, или указать на ее происхождение. Наименование вещи приравнивается ее созданию.

Истинное значение слова, его связь с денотатом, знает только «ономатет» основатель имен (от древнегр. $vo\mu o\theta \epsilon \tau \eta \zeta$ – дает имя). Первые ономатеты – боги, которые имеют свой язык, непостижимый обычным человеком. Это учение мы находим еще у Платона, в частности в мифологических экскурсах его диалогов. Самый известный пример – это этимологии Сократа в платоновском «Кратиле» [5]. В этом диалоге приводится спор между Кратилом (учеником Гераклита и, как считают, учителем самого Платона до встречи с Сократом) и софистом Гермогеном о происхождении имен, то есть слов. Это спор ведется вокруг типичной для античной философии языка фундаментальной проблемы: или присущи имена вещам по своей природе (мнение Кратила) или они – результат соглашения (Гермоген). Чтобы решить спор, Сократ (как персонаж платоновского диалога) сознательно приводит недостоверные этимологии, чтобы дискредитировать идею естественной связи имени и вещи. Вместо генетической Платон выдвигает миметическую теорию имен: имена подражают свойствам вещей. Но поскольку подражания всегда только подобия оригинала, от знания имени нельзя ожидать чего равнозначного знанию вещи. Здесь сделано кардинальный поворот от мифо-поэтического мышления, которое не различало имя и дело к рационального мышлению, для которого слово это не более чем flatus vocis, нечто по своей природе вторичное и несущественное. Для Платона этимология была средством решения проблемы соотношения слов и вещей, есть ли речь «естественной» (φύσει), или она устанавливается «по договору» (θέσει).

Этимологический метод получил распространение в герменевтике и широко применялся стоиками в практике аллегорического толкования мифологических преданий. Изобретение самого термина «этимология» приписывается стоику Хрисиппу. Для стоиков, которые в данном случае были последователями Гераклита, она должна была не только показать тождество слова и понятия, но и доказать происхождение языка «от природы» и найти истины, которые были заложены в слова их первосоздателями. Когда приоритет в развитии этимологии перешел от философов к грамматикам, то последние, опираясь на методику и принципы стоиков, эту цель оставили на втором плане или совсем о ней забыли. Величайший античный этимолог-грамматист Варрон определял этимологию как часть грамматики, проблему cur et unde sint verba «почему и откуда появились слова».

К этимологическим практикам стоиков возвращается лишь Августин Аврелий. Речь идет об учение Августина о так называемом «сердечном слове» (verbum cordis), которое он развивает в трактате «О Троице». Размышляя над мистической тайной Божественного триединства, Августин пишет, что также, как в Боге-Слове Его Логос является ипостасью Троицы, так и в человека, созданного по образу и подобию Бога-Троицы, слово не есть нечто случайное, вторичное относительно знания, а его «образ» (forma). Сердечное слово – это не внешнее слово, сказанное в том или ином языке, а слово «внутреннее» (verbum interius), которое предшествует

всякому высказыванию. Внутреннее слово единственное независимо от языка и предшествует каждому высказанному слову. Оно является универсальной основой разумности, возможностью интерсубъективного мышления и понимания. Слово и его значение создают интимное внутреннее единство, подобно тому, как едины две ипостаси Пресвятой Троицы. Знания, которые мы передаем словами, является приведением в настоящую форму внутреннего слова или, как утверждает Августин, его инкарнацией. Внутреннее слово и есть этимон в его изначальном понимании.

Эти соображения и определенные «этимологические игры» с именами наиболее почитаемого западного отца церкви в значительной степени определили отношение к этимологии в эпоху средневековья. Известный немецкий историк литературы Э. Р. Курциус считал, все средневековое мышление имеет этимологический характер. Он называет книгу «Etymologiarum» (Этимология) Исидора Севильского, которая была энциклопедией тогдашних знаний, почерпнутых в основном из античности, «основной книгой всего средневековья» [3, с. 562].

Средневековая культура, которая базировалась на символичноэтимологическом мировоззрении, считала, что правильное понимание имени дает возможность познания сущности вещей. Большинство современных учебников по этимологии утверждают, что в эпоху Средневековья и Ренессанса никаких открытий в области этимологии не произошло [4].

Между тем, именно в средневековой схоластике со всей остротой ставится проблема соотношения verba и res, слов и вещей, разное решение которой, как известно, породило три основные направления: реализм, номинализм и концептуализм. В споре между ними воспроизводится старая дилемма (или трилемма), заданная Платоном в вышеупомянутом «Кратиле», хотя при этом приобретает несколько иную акцентуализацию.

Средневековая (готическая) ментальность имела, прежде всего, символический характер. Эта символика начиналась на уровне слов. Trivium: грамматика, риторика, диалектика были фундаментом средневековой образованности, причем первенство отдавалось грамматике: знанию слов. Правильно назвать вещь — значило ее объяснить. Каждая вещь (res) рассматривалась как символ другой, тайной реальности. Предметом наук о природе считалось раскрытия этих символов — незримых причин вещей, которых мы не можем видеть. Умение создать «множество интерпретаций» было непременным атрибутом любого уважаемого средневекового «интеллектуала». Именно свидетельством такой «учености» есть многочисленные толкования слов, которые были признаны в эпоху Модерна «ложными этимологиями».

Подобный символико-метафорический характер имеет и этимология Ренессанса. В эпоху Кватроченто (XIV век) в Италии начинается титаническая работа ученых-гуманистов, направленная на возрождение античной культуры и построения на ее основе нового мировоззрения. Заново открываются греческие и латинские тексты, в том числе, вышеупомянутый платоновский «Кратил» и варроновская «De lingua latina», что оказало чрезвычайное влияние на ренессансную

этимологию. В эпоху Чинквеченто (XV века) итальянская гуманитаристика уже ставит проблему происхождения языка (знаменитый спор о латинской или этрусской основе итальянского языка), пытается представить классификацию языков (Б. Варка) и проанализировать их прагматику. Именно в этот период зарождаются предпосылки формирования историко-сравнительного метода, который впоследствии станет доминирующим в этимологической герменевтике.

Хотя в большинстве случаев продолжает традиции варроновско-исидоровских этимологий, которые иногда приобретают гипертрофированные формы. Так, голландский ученый Ван Леннеп в своем труде «Etymologicum linguae graecae», пытаясь найти «первоначальные слова» в греческом языке или origines, как он их называет, видел их в глаголах на ω, которые в значительной мере, изобретаются им самим, причем большинство гласных звуков и некоторые согласные подбирались им совершенно произвольно.

Именно такого рода «этимология» стала объектом насмешек главного французского острослова XVIII века Вольтера, который по этому поводу отказал этимологии в научном статусе, поскольку в ней гласные ничего не стоят, а согласные — стоят немного большего. На этимологические изыскания философов этой фразой эпоха Модерна накладывает почти полный запрет, которая была частично снята только немецкими романтиками. Этимология отдается в полное распоряжение лингвистов.

Как утверждается в большинстве современных солидных работ по этимологии, вплоть до XIX века, когда были заложены основы сравнительно-исторического метода в языкознании на основе сравнения родственных языков, попытки исследователей установить происхождение слов были довольно беспомощными, а результаты совершенно фантастическими. Сравнительно-исторический метод царил в западной лингвистике (в том числе и этимологии) целое столетие: от выхода в 1816 году работы Франца Боппа «О системе склонений санскрита в сравнении с греческим, латинским, персидским и германской языками» до публикации в 1916 году соссюровского «Курса общей лингвистики». Несмотря на наличие в нем целого ряда позитивистских и психологических моментов, его философским основанием выступала философия языка И. Г. Гердера, в основе которой лежит учение о ономатететах - создателях языка, которыми являются гениальные поэты, выразители (пророки) народного духа (Volksgeist). Однако именно Гердер выдвигает принцип историзма в языкознании. В соответствии с ним естественные законы определили необходимость возникновения языка и ее дальнейшего развития. Труда Ф. Боппа, Р. К. Раска и Я. Гримма стали классикой сравнительноисторической лингвистики.

Современную научную базу этимология получила лишь в конце XIX в. в связи с деятельностью молодограмматиков и школы «Слова и вещи». Последняя окончательно оформляется только в 1909 году, когда начал выходить журнал «Worter und Sachen» под редакцией ее основателя Рудольфа Мерингера. Эта школа ставила своей задачей исследование истории слов не только на основе

лингвистического анализа, но и в связи с историей вещей. Этимологические соответствии лишаются произвола, ибо требуется соблюдение фонетических соответствий.

Идеи Соссюра о социальной обусловленности языка стали толчком к формированию новых тенденций в герменевтической этимологии. Так, Антуан Мейер переосмыслил сравнительно-исторический метод с учетом соссюровских идей о системности языка и его «социальном» характере и основал новый тип этимологии, построенный на внешний реконструкции. Его дело продолжил Эмиль Бенвенист, составив новаторский «Словарь индоевропейских социальных терминов» (1970), в котором сделал попытку реконструировать социальной системы индоевропейцев по данным языка. Именно это произведение был взят в качестве модели в большом философско-этимологическом проекте Барбары Кассен «Европейский словарь философий» [2]. Это, пожалуй, один из первых крупных проектов соединяющий лингвистическую этимологию с философской. Одной из методологических основ этого произведения является этимологическая герменевтика М. Хайдеггера.

Этимологические пассажи, как известно, занимают значительное место в работах трех классиков современной герменевтики: Хайдеггера, Гадамера и Рикера. Первый из них осуществляет своеобразную «реабилитацию» этимологии, задавая ей новый герменевтический смысл. «Тайный кайзер философов», как его называла Ханна Аренд, даже несколько перенасыщал почти все свои работы, начиная с «Бытия и времени», этимологическими экскурсами, особенно касающихся ключевых древнегреческих философских терминов. Достаточно вспомнить его толкования слов ἀλήθεια, ούσία, φύσις, άρχή, λόγος, τέχνη, είδος, κατηγορία и многих других.

М. Хайдеггер широко использовал этимологию слов, считая, что в изначальном значении («внутренний форме») слова неосознанно отражено его истинное понимание, а в дальнейшей эволюции, под влиянием разума и общественного толкования, его первоначальное значение теряется. Вместе с конкретно научной этимологией, которая объясняет происхождение слова историческими фактами, он использовал и так называемую «фантастическую этимологию», выведенную из аналогий, созвучий и совпадений между словами, то есть такую, которая базировалась на иррациональных связях между звуками и складами.

Нашлось немало критиков, которые обвинили Хайдеггера в произвольности его этимологических аллюзий, нередко запутанных и искусственных. В 1940-1950-х гг. в кругах немецкоязычных филологов разгорелся спор вокруг интерпретации Хайдеггером строки стихотворения Мерике «Auf eine Lampe». Известный литературовед Лео Шпитцер подверг убедительной критике ошибочность хайдеггеровских семантических изысканий. Тем не менее для следующих поколений западных литературоведов толкование, предложенное философом (если судить по количеству ссылок и цитат), более заслуживало доверия, несмотря на то, что противоречило логике и здравому смыслу. Известна и достаточно критическая

оценка этих изысканий учителя его учеником Гадамером, который по поводу хайдеггеровских этимологических изысканий писал: «Я никогда не мог без сопротивления принять его этимологии. Во мне говорил, пожалуй, филолог, который достаточно хорошо знал, что этимологии чаще всего отпущена очень короткая, не более чем тридцатилетняя жизнь. После чего она уже устаревает и отвергается наукой. Она казалась мне недостаточным базисом для того, чтобы привести к ответу на весьма радикальные хайдеггеровские вопросы. Хайдеггер подливал масла в огонь, заявляя, что этимологии вовсе и не призваны что-либо доказывать, а должны выполнять лишь инспирирующую и иллюстративную функции» [1, с. 59].

Необходимо отметить, что именно Гадамер преодолевая определенную «фантастичность» хайдеггеровских этимологий, пытается разработать основы современной герменевтической этимологии, которая могла бы стать базисом обновленного историко-философского знания. Исторический интерес философии обращается к критике языка (Sprachkritik) и одновременно к «нахождению» языка (Sprachfindung). Сущность истории философии как истории понятий заключается в том, что прослеживая исторические трансформации содержания понятий она учит критически понимать и правильно интерпретировать эти понятия. Гадамер провозглащает необходимость создания герменевтической этимологии как основы истории понятий.

1970-1990-х-те гг. можно с уверенностью назвать «эрой герменевтики» Хайдеггера — Гадамера: она настолько пленила интеллектуалов, что возникла необходимость ограничивать ее значимость. В труде «Над интерпретацией. Значение герменевтики для философии» (1994) Дж. Ваттимо, хоть и стремится подчеркнуть «нигилистические наклонности» герменевтики и ее слабости, все же признает, что она стала родом койне или общей идиомой для всей Западной культуры, а не только философии — тем общим климатом, разнообразием пресупозиции, которую все чувствуют себя обязанными принимать во внимание. Герменевтика создала нечто вроде «семьи», «общей атмосферы», к которой по «семейным сходством» может принадлежать не только Хайдеггер, Гадамер, Рикер и Парейсон (признаны «герменевтические мыслители»), но и Хабермас, Апель, Рорти, Ч. Тейлор, Ж. Деррида и Е. Левинас [6, р. 3].

На основе всего вышеизложенного можно сформулировать следующие выводы. Герменевтика остается и в наше время (особенно в Германии) одной из значимых философских школ, главной чертой которой является убеждение, что наша реальность — это реальность интерпретированная, опосредованная языком и исторической ситуацией. Но герменевтика — это также и методология историкофилософского знания, которая занимается природой интерпретации и понимания философских понятий и текстов, которые составляют для нее не только антикварный интерес. Одним из важнейших ее методологических практик выступает герменевтическая этимология, которая позволяет вскрывать сущностные

отношения между миром вещей и процессов и ментальной (понятийно-умозрительной) реальностью.

Список литературы

- 1. Гадамер X.- Г. Хайдеггер и греки / X.- Г. Гадамер; перевод и примечания М. Ф. Быковой // Логос. 1991. № 2. С. 56 68.
- 2. Європейський словник філософій. Лексикон неперекладностей / Наукові керівники проекту : Барбара Кассен і Констянтин Сігов. К. : Дух і літера, 2009. Том перший. 576 с.
- 3. Курціус Ернст Роберт. Європейска література і латинське середньовіччя / Е. Р. Курціус; пер. з нім. Анатолій Онишко. Львів : Літопис, 2007. 752 с.
- 4. Пизани В. Этимология: история проблемы методы / В. Пизани; пер. с итал. Д. Э. Розенталя. Под ред. и с предисл. В. И. Абаева. М. : Изд-во иностранной литературы, 1956. 188 с.
- 5. Платон. Кратил // Собрание сочинений в 4 т.; [общ. ред. А. Ф. Лосева и др.; авт. вступит. статьи А. Ф.Лосев; примеч. А. А. Тахо-Годи; пер. с древнегреч.] / Платон. М. : Мысль, 1990. (Философское наследие). Т.1. С. 613 681.
- 6. Vattimo G. Beyond Interpretation: The Meaning of Hermeneutics for Philosophy / G. Vattimo; transl. by D.Webb. Cambridge: Polity Press, 1997. 129 p.

Попов В. Ю. Етимологічна герменевтика: традиції й інтерпретації // Вчені записки Таврійського національного університету ім. В. І. Вернадського. Серія: Філософія. Культурологія. Політологія. Соціологія. — 2012. — Т. 24 (65). — № 1-2. — С. 34—40.

Розглядається проблема взаємозв'язку герменевтики і этимологии. Вказується, що саме етимологічну герменевтика є методологічною основою історії понять.

Ключові слова: герменевтика, етимологія, ономатет, внутрішньо слово, історія понять, інтерпретація.

Popov V. Y. Etymological hermeneutics: traditions and interpretations // Scientific Notes of Taurida National V.I. Vernadsky University. Series: Philosophy. Culturology. Political sciences. Sociology. − 2012. − Vol. 24 (65). − № 1-2. − P. 34–40.

This article is devoted the problem of the relationship of hermeneutics and etymology. The author conducts, what etymological hermeneutics is the methodological basis of the history of concepts.

Key words: hermeneutics, etymology, namer, internally word, the history of concepts, interpretation.

Статья поступила в редакцию 10.09.2011.